

устойчивое основание для конструктивной деятельности в регионе. Меркантильные, коммерческие интересы из-за доминанты ценностей не могут разрушить общие интересы, формирующие пространство евразийской идентичности. В этом убедились жители Беларуси и России на примере событий, связанных с белорусской калийной компанией.

Литература:

1. Гумилев, Л.Н. Чтобы свеча не погасла: Диалог / Л.Н. Гумилев, А.М. Панченко. – Л.: Советский писатель, 1990.

ЦЕННОСТИ И ТРАДИЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ: МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Л.Е. Лойко, г. Минск, Беларусь

Значительная часть проблем жизнедеятельности современного общества уходит своими корнями в историю. Конкретные механизмы трансляции смыслов прошлого в настоящее фиксируются в понятиях «преемственность», «социальная память», «традиция».

Понятие преемственности в отечественной литературе проанализировано А.И. Зеленковым и представлено в двух аспектах: с точки зрения развития научного знания и применительно к сложным системным объектам. В последнем случае оно используется для отражения специфического типа связи в качественных состояниях развивающейся реальности, сущность которой состоит в кумуляции положительных признаков системы и сохранении ее способности к самоорганизации [1, с. 44]. В обществе в качестве конкретного механизма преемственности выступает историческая память. Ее содержание конституируют ценности, которые создают матричное пространство культуры.

Современная культура претерпела трансформации связанные с переоценкой ценностей, в процессе которых преемственность была подвергнута радикальному сомнению. Сторонники исторической памяти пытались восстановить статус социальных детерминант общественного сознания на основе фундаментальных исследований аксиологической проблематики.

Ценностный параметр истории как реальности актуализировали неокантианцы – представители Баденской школы В. Виндельбанд и Г. Риккерт. Основное влияние на разработку их теории оказал И. Кант. Оно прослеживается в выборе критического метода и общей трактовки познания, в центр которого помещается познающий субъект, что делает устойчивым интерес не к содержанию, а к формам познания. Движение от ощущения к представлению и общему понятию не может быть простым отображением того, как есть или было на самом деле. Это есть преобразование, предполагающее упрощение действительности, а как таковое, оно требует критерия отбора, признания некоторых аксиом, с

помощью которых мы можем что-либо доказывать о фактах или из фактов (априорные синтетические суждения И.Канта). У Г.Риккерта кантовское влияние выражается в положении о том, что все науки нуждаются в «априори», в предпосылке, как в принципе выбора некоторой части действительности, имеющей по отношению к содержанию формальный характер [2, с. 70-71].

Функция, связанная с концептом «априори» позволяет использовать методологический потенциал интерпретации в культуре постмодерна. Постсовременная культура вариативна в истолковании фундаментальных смыслов и ценностей. Но эту вариативность нельзя трактовать как отрицание ценностей. Интерпретация призвана максимально использовать новый статус ценностей, связанный с адаптацией исторической памяти к условиям быстро меняющейся социальной реальности. Внимание к этой проблеме сделало очевидным, что неточности в интерпретациях, нестрогость исторического мышления проистекают из отсутствия в гуманитарном познании культуры оперирования понятиями. Обнаружилось также, что построение исторической теории невозможно, если ограничиваться сугубо логическим определением ее исходных концептов.

Язык современной теории, отмечает Х.-Г.Гадамер, определяется самой сутью теории. Если в классическом, восходящем к античности, представлении она является самоцелью, то современная теория строится с определенной целью и выступает как средство. Поэтому ее идеалом является чистый язык знаков, в то время, как язык греческой теории укоренен в языковом опыте мира [3, с. 525-526].

Однако если в историческом прошлом видеть только историю рационального мышления, познающего сознания (как, например, у Р.Дж.Коллингвуда), то может быть понятен акцент исключительно на экспликации понятий, выяснении их семантического объема, механизмов движения, процессе роста исторических знаний.

В современной же герменевтике очевидны иные подходы, связанные с онтологизацией исторического сознания, всех сторон жизни прошлых эпох. Становление исторического сознания, как способ его реализации, осуществления, содержится в языке, потому что человеческий опыт мира вообще имеет языковой характер.

Таким образом, считая почвой исторического мышления традицию, Х.-Г.Гадамер переводит проблему исторического сознания в онтологическую плоскость. Историческое сознание познает ту истину, что история – это процесс помещения себя в традицию путем совмещения исторических горизонтов прошлого и настоящего. Создавая традицию, которая является не субстанцией, а способом бытия, историческое

сознание активно и ответственно перед прошлым, ибо должно уметь выбрать правильный вопрос к традиции.

Литература:

1. Зеленков, А.И. Диалектика преемственности и адаптивности в развивающихся системах / А.И. Зеленков // Методологические проблемы эволюционной теории. – Тарту, 1984.

2. Риккерт, Г. Науки о природе и науки о культуре / Г.Риккерт. – Спб., 1911.

3. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Х.-Г. Гадамер. – М., 1988.

ВРЕМЯ КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ СТРУКТУРА САМОИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Л.И. Мазур, г. Львов, Украина

Представление о пространстве и времени как категориях внутреннего мира человека стало зарождаться еще в античности, но уже начиная с “Исповеди” Августина анализ внутреннего сознания времени ограничен моим собственным прошлым, которое было когда-то было моим настоящим и которое в принципе я могу вспомнить. Времени в виде отсчёта равных интервалов физически не существует. Этот отсчёт – свидетельство человека об изменениях, отличающихся своей цикличностью. Иллюзию течения времени создаёт наша память. Однако природа человеческого восприятия и памяти свидетельствуют о том, что время для меня всегда есть время Другого.

Согласно Платону, процесс зрительного восприятия осуществляется благодаря одновременному истечению световых лучей как из видящего глаза, так и из видимого предмета, причем оба луча сливаются в нечто одно целое, не находящееся ни в глазу, ни в видимом предмете и образующее собой зрительное тело, – синавгию. В комментариях А.Ф. Лосева синавгия лишена каких бы то ни было фактических свойств видимого и видящего: она есть чистый *смысл*, *словами* Платона, *эйдос* [2, с. 419]. Из сказанного следует, что восприятие балансирует на границе с иным, в целостности с ним, например, – замок в двери, дверь в стене, стена в доме и т.д. Именно здесь, на границе с иным, находится область памяти, придающая каждому ощущению качество продолжения в другом. Если восприятие (как и любое действие) означает разрыв, утрату себя, то память, возвращает из состояний потери и забывания, собирает вовне-себя, обретая себя в качестве целого, собирающего различие уходящего и наступающего. Поэтому встреча с иным лежит в основании всего восприятия света, звука, прикосновения, она есть то единственное в своем роде тело памяти, без которого, как считает Платон, не возможно мыслить явление являющегося, воспринимаемый эйдос сущего.